Молодежь ... с 1 ЯНВ 1976

ВРЕМЯ ТВОРИТЬ

(ИСТОРИЯ В ДУХЕ ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ)

ЕГО ВОЗРАСТ ИСЧИСЛЯЕТСЯ ДНЯМИ. ОТКРЫТИЕ ЛЕНКОРАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА СОСТОЯЛОСЬ 8 ДЕКАБРЯ. ДНЯМИ ИСЧИСЛЯЕТСЯ И ТРУДОВОЙ СТАЖ БОЛЬШИНСТВА АКТЕРОВ ТРУППЫ — ВЫПУСКНИКОВ АКТЕРСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ИНСТИТУТА ИСКУССТВ ИМЕНИ М. А. АЛИЕВА. ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «ЯХШЫ АДАМ» ПО ПЬЕСЕ М. ИБРАГИМОВА СТАЛА ДЛЯ НИХ ДЕБЮТОМ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЦЕНЕ.

Пролог

Как ни старались, они не могли припомнить ни одной конфликтной ситуации за пять лет совместной учебы.

— Так не бывает, — **усомнился я.**

Вопрос вызвал некоторую растерянность и смущение. Действительно, что-то неправдоподобно получалось. Неспешная идиллия?

— Да нет, были, конечно, и ссоры, и обиды, все-таки 12 человек, 12 разных характеров и темпераментов, но серьезных, принципиальных разногласий, никогда.

Они как-то сразу сдружились с первого курса. Доброта и понимание — вот что было главным в их взаимоотношениях, а балансировались они на общих жизненных позициях и той беспредельной преданности театру, которая собрала их под крышей одного института.

...Кажется, это было на втором курсе. На зимние каникулы они специально поехали в Москву, чтобы походить по театрам. Однако уже после нескольких посещений все сбелось к одному лишь «Современнику». Они, помилуй, не прочь устать ни одного спектакля. Но потом бродили, потрясенные, по заснеженной Москве, чаще молча, потому что нужно было время, чтобы осознать и почувствовать все увиденное и услышанное. И в один из таких вечеров кто-то из них робко и путанно высказал то, что терзало их и бидось в сердце каждого, но сам он выразиться не мог.

— Хорошо бы в нам так, как «Современнику»... Всем курсом — свой театр...

Мягко падали с неба белые хлопья. В желтом отсвете старинных фонарей все казалось вокруг сказочным и волшебным. И самые несбыточные мечты казались осуществимыми...

...А потом пришла Надежда Гусейнова, их групповой сорг, и слегка осипшим от волнения голосом сказала:

— Ребята, в Ленкоране открывается новый театр. Нас распределяют туда всех вместе.

Был май. В институте распахнутые окна щедро ——— весна. До госэкзаменов оставалось 3 дня.

Анраф КУЛИЕВ,
режиссер Азгосцирка,
член художественного совета и постановщик двух первых спектаклей в Ленкоранском государственном драматическом театре:

Более двадцати лет работаю я на профессиональной сцене. Немало спектаклей поставил я за эти годы с прославленными мастерами азербайджанской сцены мне довелось работать. Но такого подъема, такого душевного единения, как на этих ребятах, мне испытать еще не пришлось. Они, эти удивительные ребята, зажгли меня своей верой и увлеченностью! Все лето три месяца! — мы с ними провели в Баку, а в сентябре поехали в Ленкорань, потому что теперь нам уже была необходима сцена.

Мы с ней отправили дверь театра и, перешагнув через груды цемента, досок и еще что-то, сколько в фойе, я увидел такой зал, что у меня от сумасшедшего голоса. Я звал их с собой. Все обошло на высоком холме поселка, наш директор и что-то бурно втолковывал молодому мэру...

— Никуда, — сказал он.

— Я не шучу. Нам нужна сцена. Где мы будем репетировать?

— Если вам угодно, на центральной площади, — окончательно вышел из себя Мабуд.

— Пойдемте, ребята, — обиделся я, и мы ушли.

Вечером, когда мы обе уже остыли, и в состоянии были спокойно обсудить создавшуюся ситуацию, было решено, что репетировать мы будем по вечерам, после ухода рабочих.

Ребята выразили готовность работать в любое время, даже ночью. И вместе мы возвращались домой, когда весь город давным-давно уже спал — в 4 часа, и в 5 часов. Но ни разу за все это время не услышал от них я ни одной жалобы, ни одного возражения.

Это были дни, заполненные трудом. Случалось, правда, доведенный до предела всей этой строительной лихорадкой и неуравновешенный, я в сердцах хлопал дверью и уходил, думая про этом: «Сказал, чего тебе не сиделось в Баку, в нормальном солидном театре! Нужна тебе эта нервотрепка!» Но успокоившись, я вновь возвращался к моим ребятам и продолжал репетировать, потому что верилось домой было бы предательством. Да и не смог бы я оставить ребят. Мабуда, взвалившего на себя все хозяйственные хлопоты и столичных выпускников, театр, к которому прикипел всем сердцем.

Потом все стало легче, и постепенно на первый план выдвинулись заботы творческие. Мы параллельно начали работать над вторым спектаклем «Если ты гореть не будешь...» по пьесе Набы Хазри, включившей которую пришлось почему-то молодому коллеге — режиссеру театра, тоже выпускнику Института искусств, Мовсуму Мурсалову.

И, наконец, настал день, ради которого каждый из нас готов пройти и не через такие испытания — день открытия театра, день нашей первой премьеры.

Разговор в антракте

8 декабря в Ленкоране отмечался праздник урожая. Наш театр всегда красивый. А тут еще такой праздник, такой праздничный получился праздник. Для открытия театра состоялись в этот день (вернее, ведь это уже было вчера) два спектакля, начавшиеся в разное время, чтобы каждый желающий успел посмотреть оба. Зал был переполнен. Настроение у всех было приподнятое, и это не удивительно. За эти дни театр стал для города, для каждого из нас очень дорогим, выстраданным, выношенным, выпестованным. И вот теперь он наш, наш собственный театр. А последний спектакль, уже поздно, что можно делать его не будем, начинается сразу.

Действие второе: на сцене и в зале

Тишина, царящая в зале, насыщена вниманием и интересом. Идет спектакль «Если ты гореть не будешь...». И уже знаю, что готовившиеся к неприятностям робко короткий вздох. Это обязывает к сжисходительности. Но чем дальше развивается события на сцене, тем меньше в ней нужда. Ребята все больше освобождаются на глазах, от картины к картине, особенно исполнители главных ролей — Назим Ахмедов (Янар-муэллим), Эльмира Ибрагимова (Ядыгяр), Джамиля Багирова (Сада), Надежда Гусейнова (Тагаси), Афаг Башир кызы (Дурдане-ханум).

Вчера были студенты? Нет, уже профессионалы. И можно, еще рано говорить о совершенстве и высоком мастерстве, но не увлечься их искренностью и верой в жизнь. Глядя на сцену, невольно забываешь, что роль матери взрослых детей играет девятнадцатилетняя Афаг, хотя и особенного грима на актерах нет. Забываешь, что за немалого стать Назим исполняет роли старого учителя. И даже когда в сцене объяснения Таяниы с Янар-муэллимом из-за технической накладки (с опозданием пущена звукозапись) на мгновение настает тишина, ничто не заострит на этом внимания не заострит внимание.

Неприятными интригами протянулась связь между сценой и залом. И зритель, уже привыкший в судьбе актеров, их мыслям, сомнениям, поискам единственно правильной жизненной позиции, их ошибкам и прозрениям, с трудом находит ключ к каждой удачно проведенной сцене.

— Видели бы вы, что здесь творится, — на минуту задержал спектакль идет под сценой, тихонько говорит мне сидящий рядом Мабуд Исмаилзаде. И отбегает домой было бы предательством. Да и не смог бы я оставить ребят. Мабуда, взвалившего на себя все хозяйственные хлопоты и столичных выпускников, театр, к которому прикипел всем сердцем.

Потом все стало легче, и постепенно на первый план выдвинулись заботы творческие. Мы параллельно начали работать над вторым спектаклем «Если ты гореть не будешь...» по пьесе Набы Хазри, включившей которую пришлось почему-то молодому коллеге — режиссеру театра, тоже выпускнику Института искусств, Мовсуму Мурсалову.

И, наконец, настал день, ради которого каждый из нас готов пройти и не через такие испытания — день открытия театра, день нашей первой премьеры.

Разговор в антракте

8 декабря в Ленкоране отмечался праздник урожая. Наш театр всегда красивый. А тут еще такой праздник, такой праздничный получился праздник. Для открытия театра состоялись в этот день (вернее, ведь это уже было вчера) два спектакля, начавшиеся в разное время, чтобы каждый желающий успел посмотреть оба. Зал был переполнен. Настроение у всех было приподнятое, и это не удивительно. За эти дни театр стал для города, для каждого из нас очень дорогим, выстраданным, выношенным, выпестованным. И вот теперь он наш, наш собственный театр. А последний спектакль, уже поздно, что можно делать его не будем, начинается сразу.

Действие второе: на сцене и в зале

Тишина, царящая в зале, насыщена вниманием и интересом. Идет спектакль «Если ты гореть не будешь...». И уже знаю, что готовившиеся к неприятностям робко короткий вздох. Это обязывает к снисходительности. Но чем дальше развивается события на сцене, тем меньше в ней нужда. Ребята все больше освобождаются на глазах, от картины к картине, особенно исполнители главных ролей — Назим Ахмедов (Янар-муэллим), Эльмира Ибрагимова (Ядыгяр), Джамиля Багирова (Сада), Надежда Гусейнова (Тагаси), Афаг Башир кызы (Дурдане-ханум).

Вчера были студенты? Нет, уже профессионалы. И можно, еще рано говорить о совершенстве и высоком мастерстве, но не увлечься их искренностью и верой в жизнь. Глядя на сцену, невольно забываешь, что роль матери взрослых детей играет девятнадцатилетняя Афаг, хотя и особенного грима на актерах нет. Забываешь, что за немалого стать Назим исполняет роли старого учителя. И даже когда в сцене объяснения Таяниы с Янар-муэллимом из-за технической накладки (с опозданием пущена звукозапись) на мгновение настает тишина, ничто не заострит на этом внимания не заострит внимание.

Неприятными интригами протянулась связь между сценой и залом. И зритель, уже привыкший в судьбе актеров, их мыслям, сомнениям, поискам единственно правильной жизненной позиции, их ошибкам и прозрениям, с трудом находит ключ к каждой удачно проведенной сцене.

— Видели бы вы, что здесь творится, — на минуту задержал спектакль идет под сценой, тихонько говорит мне сидящий рядом Мабуд Исмаилзаде. И отбегает домой.

Назим Ахмедов — Ханлар Ибрагимов — Надежда Гусейнова — Афаг Башир кызы — Джамиля Багирова — Эльмира Ибрагимова